

Глава 13. Недюжинная сила

— Сяо Лю, опять спустился за покупками? Что на этот раз присматриваешь?

— Сяо Лю, как же ты вырос, и не узнать!

— Сяо Лю, а что-то дедушку твоего последние пару лет совсем не видеть?

— Сяо Лю, сынок...

Лю Мухань шёл по деревенской улице, со всех сторон окружённый тёплой заботой местных жителей. Приходилось с улыбкой отвечать каждому. По пути он прикупил картофелин у дядюшки Чжана, взял немного соевых бобов у тётушки Ли, а у дедушки Чжао раздобыл целый мешок батата.

Покупал, пока в кошельке не осталось ни единой монетки.

Два года назад Станный старик ушёл, оставив Муханю лишь прощальное письмо и немного серебра на жизнь.

Всё это время юноша так и жил на горе. Вот только стойку всадника он больше не тренировал — вместо этого принялся разучивать боевые приемы, которые когда-то накрепко врезались ему в память.

Время от времени он спускался в деревню, чтобы раздобыть провизии. Денег оставалось в обрез, так что о прежней сытой жизни, когда дедушка Гу баловал его вкусами чуть ли не каждые три дня, пришлось забыть. Теперь он, как и простые крестьяне, перебивался скромной пищей.

К счастью, деревня стояла в благодатном краю, зажатая между величественными горами и чистыми реками. Даже без гроша в кармане, если улыбалась удача, на лесистых склонах всегда можно было собрать дикие травы, а в воде — наловить рыбы.

Незаметно пролетели два года. Оставленное стариком серебро подошло к концу, и Мухань твёрдо решил: пора уходить из этих мест и повидать мир.

Накупив в деревне всё, что планировал, он взвалил на плечи тяжёлый холщовый мешок и зашагал к окраине. Аккуратно уложив поклажу на сколоченную деревянную тележку, Лю Мухань обернулся. Над крышами домов лениво поднимался сизый печной дым. В груди шевельнулась тихая, щемлящая грусть.

Когда люди из Ордена Свободного скитания разыскали его, ему исполнилось всего шесть лет.

Потом были два года в ордене, ещё два — в Малом загородном поместье, и вот теперь целых четыре года здесь. Оказалось, что если не считать раннего детства, проведённого с родным дедушкой, именно в этой глуши он прожил дольше всего.

Мухань с досадой хлопнул себя по лбу. Не дай бог дедушка Гу узнал бы о его упаднических мыслях! Снова принялся бы ворчать, что малец рассуждает как столетний старец и совсем лишился юношеского задора.

Эту тележку Мухань смастерил сам. В последние два года, когда выпадал свободный час, он уходил в лес, валил деревья, сушил и обтёсывал доски. Работал не торопясь: выдавалось время — стругал, наваливались дела — откладывал в сторону. Так за два года и собрал свою повозку.

Её можно было катить самому, а можно — запрячь осла или лошадь. Но поскольку карманы юноши свистели от ветра, тащить её приходилось собственными силами.

Деревянные колёса глухо застучали по пыльной дороге. Деревня постепенно таяла вдаль. Отойдя подальше, Мухань остановился, бросил долгий прощальный взгляд на едва различимые очертания родных крыш и решительно зашагал вперёд.

Дорога вела мимо пустырей и заброшенных полей, но вскоре впереди замаячили первые признаки городской суеты.

Это был сонный пограничный городок Кленового леса — Фэнлинь. Говорили, что осенью все окрестные склоны вспыхивают багрянцем, словно объятые тихим пожаром. Оттого его так и прозвали.

Пока дедушка Гу жил с ним на вершине горы, они изредка спускались сюда на праздники. Но стоило старику исчезнуть, как Мухань позабыл дорогу в город.

Зато кленовых листьев за эти годы он повидал предостаточно.

На главных улицах городка Кленовых листьев вовсю кипела жизнь. Торговцы наперебой зазывали покупателей, отовсюду доносились крики и смех.

Проходя мимо лавки с паровыми булочками-баоцзы, Мухань невольно замедлил шаг. Плотный, горячий пар, пропитанный ароматом сочного мясного фарша, ударил в ноздри так, что у парня мгновенно потекли слюнки.

Он нащупал сквозь ткань штанов пустой кошелек и вздохнул. В карманах гулял ветер.

Стиснув зубы, Мухань отвернулся от соблазнительной витрины и покатил тележку к самому концу торговой улицы. Там, пристроив её у глухой каменной стены, он принялся разгружать мешки.

Соседний торговец, разложивший свои товары прямо на земле, с любопытством оглядел пришельца и добродушно усмехнулся:

— Эй, малец, сколько тебе лет-то? Что ж ты один тут промышляешь?

— Четырнадцать уже, — вежливо отозвался Лю Мухань, стаскивая мешок на землю и выкладывая нехитрый товар на доски тележки.

Из самых глубин мешка он выудил несколько плетёных корзинок.

С десятков клубней батата, немного соевых бобов, корзину спелой люффы, кочан капусты... и глиняный горшочек с пряными соленьями, которые заготовил сам.

Добра у него было немного, но разнообразие удивляло: тут тебе и корнеплоды, и зелень — при желании можно соорудить отличный ужин.

Закончив с раскладкой, Мухань примостил у колеса низкую деревянную скамеечку и уселся, терпеливо ожидая покупателей.

Сосед покачал головой:

— Четырнадцать — возраст солидный. Сам, значит, копеечку заколачиваешь? Не иначе как на невесту копишь?

Городок Кленовых листьев жил куда богаче и шумнее сонной деревни под горой, особенно по базарным дням. Но сегодня наплыва людей не наблюдалось, да и место Мухань выбрал крайне неудачное — в самом тупике, унылом и безлюдном.

Его сосед торговал картинами и книгами. На его лотке сиротливо лежали несколько вполне сносных пейзажей-шаньшуй и стопка потрёпанных томов. Торговать искусством в глуши и без того дело гиблое, а в заброшенном переулке — тем более. Неудивительно, что за весь день к нему никто не подошёл.

Бедняга уже изнывал от скуки и боролся со сном, так что появление молодого соседа воспринял как ману небесную. Наконец-то нашлись свободные уши!

Мухань, скромно сидевший на своей скамеечке, удивлённо взглянул на мужчину и покачал головой:

— Да нет, о женитьбе я даже не думал. Рано мне ещё.

— Коли не ради девки спину гнёшь, зачем тогда возиться? — оживился книготорговец. Он уселся поудобнее, лениво обмахиваясь потрёпанным веером, явно намереваясь поболтать подольше.

— Серебро закончилось, — вздохнул Мухань. — Работать надо, кушать-то хочется.

Торговец хохотнул:

— Ишь ты, мал ещё, а соображаешь! А родители твои где? Чего за дитём не приглядывают?

Мухань лишь покачал головой. К подобным вопросам он давно привык.

— Нет у меня родителей. Один я остался.

Улыбка мгновенно сползла с лица мужчины. Он неловко кашлянул, пытаясь сгладить оплошность:

— Ах, вот оно как... Прости, не знал. Несладко тебе, должно быть. В таком возрасте — и самому за себя отвечать. Время нынче суровое, жизнь простого люда не щадит.

Мухань молча слушал его сокрушения, переводя взгляд с унылого лица соседа на его разложенные свитки. Вдруг в его голове всё встало на свои места.

В Малом загородном поместье учитель как-то упоминал, что лишь самые обнищавшие грамотеи опускаются до продажи собственных картин на улицах.

«Должно быть, этот бедняга совсем на мели, раз торгует писчей бумагой в такой глуши»

Решив поддержать несчастного, Мухань вытащил из корзины несколько увесистых клубней батата и аккуратно положил их на циновку соседа.

Тот с недоумением проследил за его руками:

— Это мне? Неужто даром отдаёшь?

— Берите-берите, — закивал Мухань, дружелюбно улыбаясь. — Дяденька, одного батата хватает на целый обед, а тут на несколько дней запасу. Он хоть и дешёвый, зато сытный. Так что не унывайте, голодным точно не останетесь!

Торговец пристально посмотрел на мальчика:

— Ты меня знаешь?

— Нет, впервые вижу, — честно признался Мухань.

— Тогда с чего бы тебе со мной делить еду?

Мухань смущённо поскрёб затылок.

— Да они хоть и дешёвые, зато брюхо набить — самое то. Я сам батат страсть как люблю! Помню, в детстве, когда совсем туго приходилось, дедушка пёк их в золе. Он всегда говаривал: батат — это милость Небес для бедняков. Позволяет выжить тем, у кого за душой ни гроша.

Для Муханя ценность вещей измерялась не звонкой монетой, а пользой. Простой батат ценился им дороже изысканных яств, ведь его главное предназначение — спасти от голодной смерти. Для бедного люда еда была не роскошью, а возможностью прожить ещё один день.

Торговец перевёл взгляд со свитков на юношу:

— Грамоте, выходит, обучен?

— Немного учился, — обрадовался Мухань тому, что разговор ушёл от неловкой темы. — Нас всех вместе учили. Правда, осилил я самую малость: «Троесловие», «Сто фамилий» да «Тысячесловие». Дедушка Гу, правда, всегда ворчал, что от этих книжек толку мало, но учитель наш был человеком доброй души. На прощание даже подарил мне два свитка... А потом и дедушка Гу ушёл.

Мухань говорил сбивчиво, перескакивая с одного воспоминания на другое.

Последние два года он почти безвыездно провел на вершине горы, общаясь лишь с деревьями да ветром. Лишь изредка спускался в деревню перекинуться парой слов со знакомыми. Юноша всерьёз опасался, что если замолчит надолго, то со временем и вовсе разучится выражать свои мысли.

К счастью, его новый знакомый оказался прекрасным слушателем. Он молча кивал, не перебивая путанный рассказ и позволяя парню выговориться.

Из этого сумбурного лепета торговец насчитал как минимум трёх разных «дедушек». Один заботился, другой вечно ворчал... Мужчина пытался составить в голове общую картину жизни юного соседа.

Ясно было одно: родителей у парня не осталось. Мухань и сам твёрдо верил, что сирота.

Что же касается Малого загородного поместья, то юноша не вдавался в подробности, и торговец решил, что тот скитался там в полном одиночестве.

Все белые пятна в судьбе сироты мужчина домысливал сам, проникаясь к нему всё большим сочувствием.

Внезапно воздух рассек резкий свист. Холодный блеск лезвия ослепил обоих — тяжёлая широкая сабля летела прямо на хлипкий лоток с картинами.

Мухань мгновенно, словно пружина, взвился со своей скамеечки. Но торговец среагировал ещё быстрее: выхватив из подставки массивную кисть для каллиграфии, он ловко преградил путь смертоносной стали.

Раздался сухой треск. Деревянная ручка кисти лопнула посередине, готовая вот-вот развалиться надвое.

Не теряя ни мгновения, торговец перекатился по земле, уходя из-под удара, и вскочил уже на противоположной стороне улицы.

— Ты кто такой?! — истошно заорал он, тряся обрубком кисти. — Посреди бела дня, на глазах у честного люда устраивать подобное бесчинство! Вот я сейчас стражу позову!

Нападавшим оказался дюжий детина с дикой окладистой бородой. Он лишь свирепо оскалился и снова замахнулся тяжёлым клинком:

— Я погляжу, кто окажется быстрее: твоя стража прибежит или я из тебя потроха выпущу!

Сабля со свистом устремилась вниз. Торговец лихорадочно приготовился уклоняться, как вдруг разбойник дико взвыл. Его пальцы судорожно разжались, и оружие с громким звоном рухнуло на каменную мостовую.

Торговец не растерялся. С быстротой молнии он выхватил из широкого рукава прочную верёвку, одним махом связал громиле ноги, а вторым — намертво стянул за спиной запястья.

Всё произошло в считанные мгновения. Стороннему наблюдателю показалось бы, что книготорговец просто взмахнул руками, настолько отточенными и быстрыми были его движения.

Прежде чем связанный успел издать хоть звук, победитель схватил первый попавшийся под руку предмет и грубо запихал ему в рот, заглушая крик.

И тут торговец замер. С удивлением он обнаружил, что кляпом послужил... батат. Тот самый

сладкий клубень, который ему подарил Мухань.

Мужчина ошеломлённо перевёл взгляд на валяющееся оружие. На стальном лезвии красовалась глубокая вмятина, а рядом на мостовой валялись ошмётки ещё одного разбитого клубня. Получается, парень выбил саблю обычным бататом?

Бросок был совершён с такой недюжинной силой, какая просто не могла принадлежать обычному смертному.

<http://bllate.org/book/18166/1749260>